

УДК 93/94

Е.Д. ЗАЙЦЕВ

(zaitsev.egoruschka@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ПРОЛИВОВ В ПЕРИОД I МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по воспоминаниям французского посла М. Палеолога и английского посла Д. Бьюкенена)*

Рассматривается одна из стратегических задач участия России в Первой мировой войне. По документальным источникам прослеживается отношение к ее реализации различных российских политических кругов, а также эволюция позиции союзников Российской империи в отношении послевоенной принадлежности Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы на основе мемуарной литературы французского и британского дипломатов.

Ключевые слова: Первая Мировая война, Российская империя, источники личного происхождения, мемуаристика, «Восточный вопрос».

Мировое развитие в начале XX в. превратилось в борьбу между государствами, претендующими на передел мира. Объединенная Германия стремительно набирала обороты, что прямым образом затрагивало интересы Великобритании, которая была вынуждена искать союза с давним врагом Германской империи – Францией.

Франция пыталась склонить Россию на свою сторону в случае войны с Германией путем русско-французских соглашений. Военная сила России или «Русский паровой коток» вызывала восхищение и зависть у стран Антанты, которые мечтали использовать ее для уничтожения немецкой угрозы [10, с. 86]. Ради этой цели французский капитал активно проникал в российскую экономику, в том числе через многочисленные банковские кредиты. Этот процесс, помимо экономической составляющей, также преследовал и определенную политическую цель – вовлечь Российскую империю в борьбу против Германии. Так, согласно статистике, русский долг на момент 1 января 1914 г. составлял 4,3 млрд золотых рублей, из которых 3 млрд были французские деньги [9, с. 92].

В свою очередь, Германия не препятствовала русско-французскому сближению, заменив «Союз трех императоров» на договор о перестраховке от 1887 г. и проводя таможенные войны. Так, Отто фон Бисмарк 6 февраля 1888 г. заявляет: «Мы больше не просим о любви ни Россию, ни Францию. Мы немцы боимся только Господа, и никого более» [11, с. 25]. Железный канцлер ярко очертил главное направление своей политики в отношении России, она становилась опасным профранцузским соседом, «энергию» которого немецкие политики пытались переориентировать на решение дальневосточных вопросов и оставить ее в полной изоляции от европейских дел.

Общественное движение России и определенные политические круги прекрасно осознавали риски по поводу вступления в войну, к которой Российская империя еще не была готова. Так, внутри них созревало недовольство по поводу целесообразности англо-русско-французского союза. Бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново писал о том, что поддержка Англии ничего не даст России, а ссориться с немцами нет смысла [1].

Однако после вступления Османской империи в войну, для политической элиты России появилась определенная цель восстановления вековых притязаний на Константинополь, с целью окончательного решения восточного вопроса в пользу России. При этом Петроград рассчитывал на согласие стран Антанты по этому вопросу, но Англия и Франция рассматривали Россию как сырьевую колонию, которая обязана воевать за их геополитические интересы.

В тоже время союзники по оружию не желали усиления влияния России в регионе. Они стремились сохранить Османскую империю в статусе нейтральной державы, как противовес России, но вступление Турции в войну значительно расстроило их планы, т. к. необходимо было поддержать своего

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Восточного союзника, для которого решение проблемы принадлежности проливов и Константинополя становилось одним из главных мотивов в войне. Лишить Российскую империю надежды на это, означало склонить ее к сепаратному миру с Германией.

Так, в своих воспоминаниях посол Франции в России М. Палеолог пишет, что 1 октября 1914 г. он имел беседу с Николаем II, который ему открыто сказал: «Эта война не будет иметь смысла для нас, если она не обеспечит нам Константинополь и проливы. Царьград должен быть наш, и только наш» [13, с. 153]. Стоит отметить, что Турция вступила в войну на стороне Германии только 30 октября 1914 г., но Николай II прекрасно понимал, что турки настроены прогермански и их вступление в войну лишь дело времени.

Возможность обладания Константинополем вызывала определенные противоречия среди российской интеллигенции. Так, офицер черноморского флота А.В. Немитц писал: «Очевидно, сознательный русский патриот не может желать своему отечеству ни фиктивного господства в Константинополе, ни конфликта с Европой и, следовательно, очень должен призадуматься над формой осуществления русского господства в этом городе» [7, с. 192]. В подтверждение этого факта в воспоминаниях Мориса Палеолога также приводится его разговор с графом С.Ю. Витте от 12 сентября 1914 г.: «На что мы ещё должны надеяться? На Константинополь, на Святую Софию с крестом, на Босфор, на Дарданеллы? Это слишком безумная идея, чтобы она стоила минутного размышления!» [6]. Однако один из студентов из Казани писал С.Д. Сазонову: «Я не имею счастья знать вас! Но я собираюсь идти в армию. Если эта война даст нам Константинополь, я готов умереть хоть 20 раз с радостью» [13, с. 178]. Рассматривая эти различные точки зрения на момент 1914 г., когда I мировая война только началась, и народ не представлял ещё все тяготы мощного по своей разрушительной силе военного конфликта, интеллигенция в патриотическом порыве в большинстве своём одобрительно высказывалась относительно I Мировой войны и приобретения Константинополя. Такая риторика весьма пригодилась для начала войны, чтобы оправдать потери русской армии в Восточной Пруссии и Галиции, однако впоследствии идея начала эволюционировать не в лучшую сторону, пропорционально тяготам войны, взваленным на Россию.

Следующий 1915 г. был слишком тяжел для русской армии, но все-таки давал надежду на конечную победу. Так, в своих воспоминаниях М. Палеолог приводит интересный разговор с Г. Распутиным, в котором он также заявляет, что если русский народ получит Константинополь, то он готов и дальше терпеть различные лишения войны [13, с. 308–309]. Г. Распутина называли своеобразным гласом народа, однако его мысли о народном терпении не сбылись, и уже в 1916 г. французский посол пишет: «За последние дни я замечаю в политических кругах Петрограда странное настроение против аннексии Россией Константинополя. Утверждают, что это не разрешило бы восточного вопроса, но только осложнило бы его. Я считаю все эти соображения правильными» [14, с. 145].

Данное высказывание отображает начало кризиса идеи Константинополя для России, в качестве оправдания понесённых жертв, но самое примечательное состоит в том, что союзники в лице М. Палеолога показывают свое истинное отношение к России, всячески давая ей надежду на проливы своими соглашениями 1915 и 1916 гг., но в тоже время говоря о неправильности русских целей в войне, которые затрагивают их интересы. Так, В.И. Ленин справедливо писал: «Известно, что Россия надеется получить Константинополь и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит “уступку” условиями, направленными против России» [4, с. 187]. Следовательно, русской армии позволяют умирать на полях сражений за интересы Франции и Англии, но отстаивать свои интересы в полном объеме она не может. Такое отношение также прослеживается и в воспоминаниях президента Франции Р. Пуанкаре, где он всячески пытается объявить о несостоятельности владения Россией Константинополем. В частности, в своих воспоминаниях от 16 августа 1916 г. он пишет: «что по словам члена газеты «Новое время» Евгения Семенова, французское общественное мнение было недостаточно осведомлено относительно мотивов признания Константинополя за Россией. Он боится, что, когда наступит время, у нас окажется оппозиция по этому вопросу. Я тщетно доказы-

ваю ему, почему Франция не очень благосклонно относится к этим русским притязаниям. Он находит, что достаточно пролито крови. Ни от одного русского я не слышал подобных речей. Может быть, этот просто более искренен, чем другие» [8, с. 383].

Некоторые представители русской интеллигенции понимали второстепенное значение России в делах Антанты, и у них начали появляться подозрения относительно выполнения своих обещаний союзниками. Так, М. Палеолог пишет о том, что он чрезвычайно обеспокоен фактом появления среди русской интеллигенции идей о том, что Константинополь может быть взят под русский контроль только с помощью Германии, а Франция с Англией такого никогда не допустят [14, с. 74–75]. Вынесение таких идей очень больно затрагивало союзников, т. к. их распространение грозило сепаратным миром и выходом России из войны, а деятельность в качестве главы Русского правительства германофильски настроенного Б.В. Штюмера увеличивало их страхи. В своих мемуарах английский посол Д. Бьюкенен подтверждает воспоминания М. Палеолога, тем фактом что на заседании Государственной Думы в декабре 1916 г. заявление председателя Совета Министров А.Ф. Трепова о продолжении войны и идеи взятия Константинополя было встречено равнодушно. Кризис идеи Константинополя стал проявляться все сильнее, русская интеллигенция и народ не могли согласовать огромные жертвы и цель войны [12, с. 34].

После начала февральской революции М. Палеолог отмечает полную апатию русского народа к войне, и соответственно к завоеванию Константинополя. Так, 8 апреля 1917 г. он запишет: «Нужно признать, что война больше не цель русских людей. Константинополь? Но никто не мечтает больше об этой химере, кроме Милюкова» [14, с. 295]. К 1917 г. идея взятия Константинополя больше не занимала российские умы, за небольшим патриотически настроенным исключением. Следовательно, Россия стояла на пороге сепаратного мира, а союзникам необходимо было найти человека в среде новой власти, который сможет удержать Россию в войне.

Таким человеком стал А.Ф. Керенский, который был прекрасным оратором, и первоначально пользовался большой популярностью у народа. Он полностью пересмотрел политику царского режима с точки зрения социалистических идей и дал свою отрицательную оценку притязаниям царизма на Босфор и Дарданеллы, выступив за интернационализацию проливов [3, с. 169–170]. Также А.Ф. Керенский говорит о мире без аннексий и об отказе от планов взятия Константинополя, называя это «ерундой» [2, с. 10–11]. С приходом новой власти, произошла определенная переоценка цели участия России в войне и крушение идеи завоевания Царьграда. Теперь Российские солдаты должны были сражаться полностью за интересы союзников, выполняя «союзнический» долг, который работал только в одну сторону. П.Н. Милюков справедливо замечает по этому поводу позицию Антанты: «Если союзники (т. е. Россия) отказываются от своих “интересов”, то Англия против этого решительно ничего иметь не может. Франция в лице социалиста Альбера Тома также не имела ничего против того, чтобы отказаться от “империалистических” стремлений... России, понимая под ними проливы и Константинополь» [5].

Подтверждая политику А.Ф. Керенского относительно проливов, новый глава МИД России М.И. Терещенко в частной беседе с Д. Бьюкененом также заявляет, что «контроль над Константинополем потребовал бы большой армии, потому он никогда не был сторонником этой идеи» [12, с. 117–118].

К сожалению, патриотических рассуждений о присоединении Константинополя и проливов от представителей социалистических и интернационалистических идей ждать не приходилось, а от сторонников мировой революции в лице В.И. Ленина и Л.Б. Троцкого тем более. После прихода к власти большевиков, их главной программой стал выход из войны, однако империалистические требования Германской империи в Брест-Литовске были высоки, поэтому большевики, боясь позора и потери власти, всячески затягивали переговоры с немцами, пока не сдались под напором силы. Однако в этот сложный период Российской истории, о великой идее взятия Константинополя уже никто не думал.

Таким образом, идея обладания Константинополем и проливами, не смотря на определенные противоречия среди интеллигенции и политиков, смогла всколыхнуть патриотический порыв людей толь-

ко на первых этапах войны, когда они думали о том, что война завершится за несколько месяцев. Однако реальность оказалась намного хуже, и по степени ухудшения ситуации на фронтах и последствий войны в тылу, а также откровенно предательского поведения союзников, боевой запал народа стал ослабевать, а вместе с ним и возможность реализации заветной мечты об обладании Царьградом. После крушения царизма, среди политиков, пришедших к власти, фактически не звучали вопросы об обладании проливами. Великая русская мечта была утрачена, а вместе с ней и желание участвовать в мировой войне.

Литература

1. Записка Петра Николаевича Дурново императору Николаю II. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/36667.html> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Керенский А.Ф. Об армии и войне. Петроград: Нар. воля, 1917.
3. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте / пер. с англ. Г. Шахова. М.: Республика, 1993.
4. Ленин В.И. О сепаратном мире // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 30. С. 561.
5. Милюков П.Н. История второй русской революции. Циммервальд и фиаско внешней политики коалиции. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/32WieC> (дата обращения: 22.05.2022).
6. Палеолог Морис. Записка от 12 сентября 1914 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/32Wif6> (дата обращения: 22.05.2022).
7. Памятная записка начальника черноморской оперативной части морского генерального штаба кап. 2-го ранга А.В. Немитца // Константинополь и проливы: по секретным документам бывшего министерства иностранных дел. Т. 1. М.: Литиздат НКВД, 1925. С. 549.
8. Пуанкаре Р. На службе Франции. 1–2: воспоминания за 9 лет / пер. с фр. Ф. Капелюша. Т. 2. М.: Соцэргиз, 1936.
9. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
10. Такман Б. Августовские пушки. М.: Изд-во АСТ, 2018.
11. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002.
12. Buchanan G. My mission to Russia and other Diplomatic Memories. London, 1923. Part. 2.
13. Paleologue M. La Russie des tsars pendant la grande guerre. Paris, 1923. V. 1.
14. Paleologue M. La Russie des tsars pendant la grande guerre. Paris, 1923. V. 3.

EGOR ZAYTSEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE EVOLUTION OF THE IDEA OF CONSTANTINOPLE
AND STRAITS IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR
(as remembered by the french ambassador M. Paleologue
and the english ambassador J. Buchanan)**

The article deals with one of the strategic objectives of the participation of Russia in the First World War. On the basis of the documentary sources there is monitored the relation to its implementation of the different political circles and the evolution of the position of the allies of the Russian Empire in the case of the postwar belonging of Constantinople and Bosphorus strait and Dardanelles on the ground of the memorial literature of the French and British diplomats.

Key words: the First World War, the Russian Empire, source of private origin, memoiristics, the Oriental Question.